

Андрей Протасов

Желтый колокол

Сборник стихотворений

Андрей Александрович Протасов
Желтый колокол.
Сборник стихотворений

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=36083312

SelfPub; 2021

ISBN 978-5-532-10994-0

Аннотация

Как жить, если мир кажется враждебным, если не способен найти свое место в нем, и даже не знаешь, существует ли оно — место для тебя.

Андрей Протасов

Желтый колокол.

Сборник стихотворений

* * *

Только то, чего не было, помню;
Лица выпали в лет жернова.
Я придумал чудесную кровлю,
Я под ней вспоминаю слова.

Полон мир этих призраков странных,
Чудной повести тайных замет,
И затейливых и своенравных...
Я разъял бесконечное нет.

Только, я, погружаясь в дремоту,
Возвращаюсь в свои небеса,
Напевают прелестную ноту
Незнакомые мне голоса.

* * *

Чтоб слыть иным в подлунном мире,
Казаться нужно чудаком.
Но есть опасность на куртине,

Что маска станет естеством.
Настанет, верю, миг прозренья,
Уйдет насмешливая брань;
И я в тиши уединенья
Полью любимую герань.
И, если был талант в начале,
Тем лучшим, что дано творцом,
В уютной бухте, на причале
Закончу путь. Найду свой дом.
Вам, чудаки, представить ныне
Хотел бы песню и творца.
И, если роли Вам постылы,
Испейте чашу до конца.

* * *

Печальный образ мне напомнил
О переменчивости лет.
И я кувшин водой наполнил,
И в нем увидел новый свет.

Увидел молодости пламя,
Мечты о славе и трудах.
И старым пальцем барабаня,
Я видел время на часах.

Прошедшей жизни вод немало

В кувшине этом утекло.
Старело время. Вод не стало.
Но только не его стекло.

Мудрее тот, кто как стекло,
Что ничего не удержало,
Что в нем безудержно текло,
Но все собою отражало.

* * *

Здесь начинался новый мир.
Пора исхода.
И здесь я в Вечность уронил
Мои три года.

Бывал когда-то (я не знал)
Великий Панин,
И тайны слова открывал
Бессмертный Дарвин.

Обворожительный Данков
"Водил за руку".
Представил всем: Студент таков,-
Как Ментор внука.

Ходил небритый Гришковец.

И я слонялся.
И ухмылялся, как стервец.
И возвышался...

Над собой, мрачнее тучи...

-Ты, как сошедший Чайльд-Гарольд, -
Она сказала.
-И сумасшедший идиот, -
Слова кидала.

Но мне из прошлого видна
Одна и та же
Причина всякого рожна:
-Ты чья пропажа?!

Вот только времени во мне
Не существует.
Оно, как в утреннем вине,
Во мне бытует.

В моей душе движенья нет.
И нет границы.
И сколько б ни было мне лет,
В ней все страницы

Беспечно вклеены в одну,
Всегда пустую...

* * *

Тихо реет над ласковой бездной
Умирующий крик журавля.
Если что-либо будет нежным,
То и будет тогда неизбежным –
Унесет меня вдаль, внемя
Осторожным раскатам грома
И несуетной степени лет.
Что ему, журавлю, отзвенело –
Он зачем растревожил плач?
Что ему в тенесах зеленело,
То для нас ежедневный харч.
Журава! Ты другого лепета.
Мурава. А когда-то была.
Мы живем ожидая вечера,
Мы хотим золотого сна.

* * *

Царите. Ветра зеленой выси
Я – редингот малиновый,
Разбил стекло бесполезной мысли,
Курящим жезлом ручищи выставил.
Лодыжек беглые слепки рыжи,

Моими ладонями темя выело.
За белым полем молвы бесстыжей,
Бездонное, черное жерло выстрела.

* * *

У моря есть глаза.
В ресницах горизонта
Соленая слеза
Стекает в топи солнца.

* * *

1

Когда молчали, смотря, лотосы и лилии
Высоты ночного озера воздушной воды,
Что падают фосфором рая,
Вы, жители изумрудного плаща, их просили ли,
Показать Вам выси сады,
Соком мысли золотой наконечник очей стрелы натирая,
И натянутой тетивы божественного чела
Серебряный колокольчик
По тонкому стеблю мысли,
Где тот, кто синим коромысел,
Плеснет высотой на умы,
Трелью крылатого мозга,
Беспредельности синего мыса лелеемого?

Сонный страж рассветом ссыльного,
Где туман росой на луг,
Божество из грота пыльного,
Высоко задрал бровей лук,
Лениво постреливает в божью ткань,
Жемчужную смолу янтарного кедра
Ладонями ног
Собирая,
Выгнутой спины зверя ступни,
Тюрьмы обуви бежавшего.

Нежным брюшком пробуящий
Иглы свободы, ткущие
Прочную ткань воли,
Утоляющей боли.

Медленно плывущая лодка зверя,
Несла драгоценный груз молний разума,
Разившей дерева белые слитки
Перьями мысли причудливой.

Пусть примерят одежды
Мысли величественной,
Если имеют верное зеркало.
У каждого есть примерочная,

Но не каждый имеет верное зеркало.
Надо сделать зеркало мысли.

3

Где роскошные волосы камня
Ливнепадом белого бивня,
Серенады рассада богов
Выпивала рокоты гимна.

Когда ласкался парус неба,
Мазнув небрежно белый крем,
Большие ковриги глаз хлеба
Сказали: Я это ем.
Здесь будет мой кров,
Это будет мой кровушко,
Купина будущих ростов,
Живые, белые полена лобушка
Над озерами мыслей хлебов.

Когда лекарь облаков
Молний скальпелем плавил
Ледяную кровь неба быков
(Так свое он величие славил),
Немало хохочущих босяков
Ватагой веселых галдящих ртов
Сыпались в монотонную грезу рока.

То читают глаза пророка
Радужную книгу срока.

Когда огневыми иглами
Прозрачные нити морского шелка
Быстрыми стежками ручьев
Заполняют изумрудный покров;

Когда я в туюске из бересты моих висков
Несу все мои драгоценности,
Песчина
В раковине моллюска Вселенной,
А после – жемчужина
В руце Божией нетленной.

Там растет цветок одинок,
Где жилище ставил инок.
Где его лесные лели
Волшебствами одолели,
Что живут там, где заэли
Свиристят свирель поэли.

Меч молнительного плужица,
Где живет семейство ужица.

Там, где бродит дикий млон,

Поедая звездный лен,
Наблюдает сень мревес,
Как свое он молнит мрево.
Мремя мечера минуло,
И последний раз мигнуло
Молнце, там, где моризонт,
Натянуло моря зонт
На муаровые кущи.
Молночь. Мар. Молитвой мерь.
Мусс малиновый. Мигрень.
Мило. Мая маковинка.
Мелочь. Мрачная морщинка.
Мама мыса мягко млеет.
Муза. молодость. Морфей.
Малахитовая мреет
Мастерская могачей.

Небо сыпет белый мел.
Кто ликует, тот и смел.

Кто намазал белый мед
На зеленый бутерброд?
И пьет гребень петушиный
Красная листва утра –
Эта красная пушина,
Где ожгут глаза костра.

А потом желтый язык синего колокола,
Эта ослепительная жемчужина
Тучной раковины ночи,
Где лазоревый грот звезд,
Пожеланием доброго ужина,
Где-то рядом сядет в волшебный мед.
Из под руки бога выскользнет небесный плуг,
Там звенит тетивы звездный лук.

Так лелеет ночь-дароносица.

Видишь, моря серебряная косица,
Это его серебристое рыльце
Манит хрупких шмелей тоскующего сердца,
Как после дождя неведомой красоты
Хрустального свода света
Являет миру божья ресница,
Когда невидимый земледелец
Хрустальным жнет серпом
Алмазную пшеницу,
А затем печет из муки света
Ароматные хлебы,
Наблюдая блеснут ли где глаз мечи,
Вопрошаючи мысленно: Что это?
Или только серые, глухие чехлы

Глубоко спрятанные в комодѣ ветхом.

4

Так мы резали
Слова Божьего слитки,
Ставили дома.
Были мы в них улитки.

"Пожить-бы!" – говорило Время,
Седым утѣсом воображая,
Опытной мудрости бремя.
Когда же ночью провожало
Солѣным глазом море век,
Сколько людей выражало
Их обезумевший бег?

Когда уйдѣт судьба в свой дом,
Устало груз себя неся;
Облечѣнные словом,
Мчались мысленным ковом,
Где наковальня опыта,
Под молот судьбы,
Правя молоточком счастья
Узор меча памяти.

Так, в чистилище сна,

Наши дневные попытки,
Мыслей причудливых свитки,
Полные воли огня,
Плаваются в тигле смерти.

Так река вопила,
Тело моё пила:
"О, трепещи!"
Покачивая глубиной
Могила облака,
Властью синих кос
Обездвиженных,
С глазами посоха.

Совёнком смотрит ночь,
Букварь духа читая:
Красные слёзы природа
Собирает в сосуды скорби.
Там хоронит.
А когда скорбит,
Пьёт рубин
Скорбью скорбь
Утоляя...

Делали стожок огня. Грелись.
Красные снежинки тепла

Провожали глазами
В небо.
Хотели туда.

* * *

Арбат нес сентябрь
Моченым ночью,
И улиц целуем
Барокко корябал.

О, лунным нулем,
Арбатко октябрь!
И лужи жульем,
И лижет жильем.

Как ватник-кентавр,
Толпою оплотом
О караул в кулуарах
Моток гоготом.

* * *

Не выбирают роли орлиной...
От невинных пыток устав —
Только один на земле унылой.
Жизнь мертва, если каждый прав.

Жадно вскрывали жемчужину ви́лкой,
Чудо давали голодным глазам.
Каждое тело стрелою липкой
Хочет притронуться к образам.

* * *

По велению синих морей
Красной пустыни сердца,
Небо искало плечей,
Где ему опереться.

И когда пустыня, как мать,
Отдала молоко этих синих желез,
Приходил отравленный чудом тать,
Грубо мял остывающую кровь солнца.

* * *

Скоро утро.
Повиснет плакат
На окне:
Это – мир Господень!
Ощушаю вишней в вине
Я моё молодое тело.

Будто я на чужом языке.
И не понял никто:

О чём.

Ухожу от тебя налегке,
Ощущаемый палачом.

Не страна, а весёлый бубен;
Не весна, а зелёный дождь;
Не глаза, а случайный гость;
Мир ему – как голодным кость,
На пиру мы, а значит – будем!

А когда по утрам с проклятьем
Грею чай, и клубничный джем
С булкой я безотчётно ем,
И за нудным таким занятием
Каждым утром я обречён
Своё дряблое видеть тело,
Кто-то бегают на закате,
Затевая игру с дождём,
Или юркий на перекате
Среди камней найдёт проём.

Но и теперь в печальной паутине,
В причудливых подтеках старых стен –
Угадываю в горестной картине
Моих друзей чарующий рефрен.

* * *

В местах, где однозвучная, как осень,
Симфония дверных петель растёт,
Встают традиционные вопросы,
Их знаем мы, как сны, наперечёт.

Не светает никак, и бредит,
Среди прочего, все же хмель.
Все ненужное бил намерднн,
Заметал и бросал в апрель.

И услышал в холодном ветре
Очарованную свирель.
Разве жалобно-грустное: "Где ты!?"
Разве брошенный скрип качель.

Ты помнишь как все это было?
Твой голос пропал в снегу.
Что мы на земле ты забыла –
Твердила мне: "Я убегу!"

И словно застыло время
Лукаво на ноте "Да",
И именно в это время:
"А я убегу тог-да-а!.."

За окном тогда моросило.
И сейчас он опять грозит.
Ты тогда еще выносила
Мой помятый, растерянный вид.

Ну, а после. Когда к обеду
Стал ходить белозубый Ник,
Вяло брякнув: "Ещё заеду..." -
Уходил, задрал половик.

И терпеливая, как осень,
Арахна саван свой прядет.

* * *

Вы теперь озабочены очень
И, быть может, не помните дня,
Когда встретились мы между прочим:
Вы, обычную бледность храня,

Были вежливы, радость о встрече
Выражали, как суетный мим;
Вспоминали какую-то вечность,
И зачем на ветру мы стоим...

Что ж. Привязались Вы ко мне.
Я Вас тогда не обманула;

Вы уходили, а в окне —
Я выключатель повернула.

Когда не находили слов
Излить Вы преданную душу,
Мне было скучно. Тех часов
Жалею, как матросы сушу.

Как живете? Храни Вас Бог
От лукавых друзей, от скуки.
Если будете одинок,
Попадется перо под руки,
Так черкните хоть пару строк...

Я Вас любил, как дети, для забавы.
Не представлял дальнейший путь.
Моей вины проста основа: сами
Вы понимаете в чем суть.

Но Вы души моей не знали,
Вы не поверили в меня.
Печально ли, но Вы не стали
Богиней грешного огня.

Поверя только в очевидность
Вращения суеты мирской,

Вы не заметили надмирность —
Милее Вам земной покой.

Быть может, навевает тягость
Вам старомодный разговор —
Как далека от нас та радость,
Какой суровый приговор!

* * *

Я по вязкому илу бреду.
Я пытаюсь представить, как море
Покидало в усталом бреду,
Оставляя в холодном разоре...

Утомлённый, и я здесь живу...

Вот уже настает повечерье,
Чуткий страж запирает засов;
Я был слеп, а слепому не верят,
Потому что он просит даров.

Здесь, в кустах, я нашёл чьё-то сердце,
И я поднял опаловый цвет;
Я молился ему. Как скерцо
Прозвучал прощальный привет.

* * *

Покинув смятения место,
Я слышу далёкое эхо.
Что раньше казалось пресным,
Сегодня – желанная вежа.

Я вывернул ризы земные,
Изнанку небесного рая.
Мы думаем – мы иные,
А в будущем – все сначала.

Мы счастливы в праздничной клетке.
Подмены не понимая,
Царим на пустом повете,
Пространство загромождая.

Единственный житель мира,
И я, поменявший клетку,
Отверг своего кумира,
И яд подмешал в таблетку.

Замок растворило ядом,
И Мир меня встретил гимном,
И я теперь с Веком рядом,
И больше не жертва глины.

* * *

На грудь волны
Волна груди
Упругим камнем, пущенным
Пращою рук,
Ложится,
Легко утёс воды
Сминая.

И, стремнины позвоночника
Мятежным караваном,
Пух моря к телу вернулся,
Корень пера волны обнимая.

* * *

Эй, жеманная утица,
Видишь глаза охотника,
Пылкая заряница,
Хлопоты чревоугодника.

Поодаль стоит поводырь огня,
Железным посохом путь указывает:
Иди,
Я заключил тебя в стальные меха,
Золотая тень черного солнца...

Когда черная курица
Снесет два золотые яйца,
Будет пища;
Вымя черной коровы
Даст красного молока.

Ручная кобра лежит в пещере кожи,
Отдыхает.
Ни звука.
Вкусно пахнет смерть.
Красного коралла твердь
Принимает жертву.
Сегодня праздник смерти.
Чум смерти
Приглашает богов войти,
Отпраздновать рождение:
– Сделайте из желудков
Кошельки моих денег,
Станет каждый молоденец.

* * *

Как золотая нить,
Натянут горизонт;
Стремится отделить
Мир этот и мир тот.

И никогда живым
Ту нить не перейти,
Как вороватый дым
Спешит она уйти.

И только в этот час
Жизнь эта и жизнь та,
Встречаются на час,
И шепчут до утра.

* * *

Отверженный в жизни,
отважный во сне,
пою, как на тризне,
о чем-то во мне.

О чем-то безгласном
собачьей душой,
и глазом участным,
и скверной игрой.

В холодное время
хотелось согреть,
а выпало бремя
осокой созреть.

И сорная почва,
где мыслящий зверь
освоился прочно,
и дом мой теперь
затворен, и пепел
наполнил сады,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.